

тельно рано приобрели «ирреальные черты», ибо подлинные оппоненты и истинная аргументация их практически отсутствовали¹⁵.

Наконец, характерной особенностью данной полемики была умеренность — христианский «антииудаизм» в период поздней античности и средневековья нельзя путать с антисемитизмом, возникшим вне или на периферии христианства¹⁶. Более того, они исходили из различных принципиальных установок: для «антииудаизма» одиозен не еврей, как носитель некоей дурной расовой природы, а лишь его отказ принять истину христианства, его вера, представляющая с христианской точки зрения полное «неверие». Все эти черты антииудейской полемики можно проследить в трактате, изданном М. Остенсом, который позволяет нам лучше постигнуть еще один немаловажный аспект социально-политической и культурной истории Византии.

В заключение хотелось бы сказать, что рецензируемая серия является, на наш

взгляд, свидетельством того, как столь классическая отрасль византиноведения и патристики (издание источников) вновь выдвигается логикой развития науки на передний план. Почтенные и достойные всякого уважения, но устаревшие издания типа «Патрологии» Миня уже не могут удовлетворять возросшим требованиям специалистов и до некоторой степени просто тормозят прогресс медиэвистики. Поэтому весьма достохвальным представляется начатый покойным М. Ричардом выпуск греческой серии *Congrus Christianorum*, к которой привлечены лучшие научные силы Запада. Вызывает сожаление тот факт, что тома данной серии не поступают в наши библиотеки. Отделам комплектования их следовало бы более гибко реагировать на насущные нужды нашей медиэвистики, консультироваться со специалистами и учитывать их требования. Это позволило бы более рационально использовать выделяемый валютный фонд.

А. И. Сидоров

Albert G. Götten in Konstantinopel. Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400 n. Chr. // Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums. Neue Folge. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1984. Reihe 1. Bd. 2. 211 S.

Значимость событий, разыгравшихся на политической арене Византии в последние годы IV в., представляется несомненной. Достаточно напомнить, что в обобщающем труде советских византистов неудача военачальника гота Гайны в овладении Константинополем оценивается как факт, влияющий на периодизацию развития империи¹. Серьезность этих событий подчеркнута и в рецензируемом труде молодого западногерманского историка Г. Альберта. Правда определяются они иначе. «С государственным переворотом Гайны, с развитием, которое к нему привело, и с его последствиями восточная pars imperii пережила внутренний кризис — первый такого рода с 395 г. и одновременно, первый, который она перенесла целиком внутри своей собственной сферы. . .» (с. 14; ср. с. 182).

В чем заключается, по Альберту, данный кризис или «die Gainas-Krise» (с. 17), я попытаюсь показать ниже. Пока же отмечу, что исследователь аргументированно полемизирует с теми антиковедами (особенно с Э. Демужо), которые увязывали события 399—400 гг. в Византии с вмешательством в ее дела Миланского двора, с политикой Стилихона (с. 18—19, 143)².

Альберт довольно решительно расходится и с теми западными историками, кото-

рые видели в исходе политической борьбы конца IV в. не просто победу «антигерманизма», но и корни «будущего дуализма Европы в религиозной, культурной и, наконец, в политической сфере». «одно из самых роковых решений мировой истории»³. В то же время очень внимательное отношение исследователя к трудам своих предшественников серьезно лимитировано незнанием работ русских дореволюционных и советских специалистов.

Цель монографии сформулирована как «исследование отдельных, до сих пор не выясненных или не принятых во внимание» вопросов, относящихся к теме (с. 17). Поводом к такого рода разбору служит прежде всего сомнение Г. Альберта в восходящей к О. Зееку концепции о «национально-римской» реакции на преобладание варваров в армии, — реакции, побудившей Гайну к перевороту.

Монография разделена на три большие главы, охватывающие три, по мнению автора, самостоятельные, хотя и взаимосвязанные проблемы. Первая глава (с. 23—85) посвящена анализу политической борьбы в Константинополе (при дворе и на уровне высших должностей) накануне и в ходе движения Гайны. Вторая — положению и действиям Трибигильда, Гайны и стоявших за ними сил

¹⁵ Ibid. S. 16, 564.

¹⁶ Ibid. S. 31, 565.

¹ История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 182, 183. По мнению М. Я. Сюзюмова, автора данного раздела, «июльские дни 400 г. в Константинополе явились решающим поворотом в судьбах Византии — вестготам не удалось создать на ее месте варварское королевство завоевателей». См. Там же. С. 183.

² См. также: Albert G. Stilicho und der Hunnenfeldzug des Eutropius // Chiron. 1979. Bd. 9. S. 641—645.

³ Schenk von Stauffenberg A. Das Imperium und die Völkerwanderung. München, (ohne Jahr). S. 104.

(с. 87—149). Третья глава (с. 151—179) исследует сюжет, на мой взгляд органично вписывающийся в проблему главы первой, но, с точки зрения Г. Альберта, заслуживающий особого изучения: это позиция и деятельность в ходе кризиса епископа Константинополя Иоанна Златоуста. (Сразу отмечу, что хотя, по Г. Альберту, Иоанн сыграл значительную роль в «событиях, происходящих вокруг Гайны», но заключалась она отнюдь не в блокировании епископа с некими антигерманскими группами, — с. 181.)

Таким образом, сама структура книги дает некоторое представление о ключевых моментах метода Г. Альберта. Один из них — сознательная концентрация внимания на крайне узком хронологическом отрезке. Г. Альберт оправдывает это необходимостью обстоятельной интерпретации источников. Слов нет, анализ источников в книге, как правило, скрупулезнейший. Но автор вынужден постоянно обращаться к реалиям 70—80-х годов IV в. (когда готская угроза стала внутренней проблемой империи) и первого десятилетия V в. С другой стороны, изучение конфликтов в собственно восточноримской среде Г. Альберт правомерно предваряет анализу действий мятежных готов. Иной вопрос — что понимается под сутью этих конфликтов.

Действительно, по мнению исследователя, коллизии, во многом определявшие возникновение кризиса, имели место в высших эшелонах власти Византии. Влияние провинциальной знати на решение «варварского вопроса» в масштабах империи, способное, например, отразиться в позиции киренцев и Синесия (точка зрения Ж. Дагрона), Г. Альберт отрицает (с. 62—63). Тогда, может быть, за конфликтами высших должностных лиц стояли какие-то группы столичного населения?

Монография содержит, например, тезисы о «собственной политической линии» или «политическом курсе» Аврелиана (с. 47, 66, 78). Имеет место и интересная гипотеза, снимающая сомнения Г. Грютцмахера и В. Энслина в аутентичности дошедшего до нас текста речи Синесия «De regno». Согласно этой гипотезе, Синесий произнес перед императором *στέφανος λόγος* («по инициативе, при посредничестве и поддержке префекта претория Востока Аврелиана и, может быть, других высокопоставленных, близких во всех отношениях к нему лиц»); вскоре речь была переработана в чисто пропагандистское сочинение «не для большой общественности, но для маленького слоя в сенате, при дворе и в имперской администрации ведущих и литературно образованных людей» (с. 66).

Кроме того, монография содержит обстоятельный разбор структуры власти, созданной во второй половине 90-х годов IV в. фактическим главой византийского правительства евнухом Евтропием (с. 38—43). Здесь Г. Альберт указывает, во-

первых, на общность интересов Евтропия и подчиненных ему лиц; затем, показана поддержка евнуха (до лета 399 г.) магистром оффиций Госием (что позволяло Евтропию косвенно контролировать *agentes in rebus et scholae palatinae*); то же относится к кругу domestikов Сувармахию. «верному стороннику Евтропия»; наконец, сообщено, что после падении Абуданция и Тимасия не были назначены новые *magistri praesentales* и Евтропий фактически занял эти вакансии. Надо отметить, что Г. Альберт, в специальном экскурсе положительно рассмотрев вопрос о наличии в Византии с февраля 396 по декабрь 399 г. коллегияльной префектуры Востока (с. 181—195)⁴, во-первых, присоединяется к мысли О. Зеэка о разделении именно Евтропием этой высокой, конкурирующей с ним должности между двумя лицами. Во-вторых, исследователю все же неясно, не только как практически осуществлялась эта мера, но и каковы были ее результаты, т. е. в какой степени префектов-коллеги (до лета 399 г. — Евтихиана и Кесария) можно считать опорой Евтропия. Однако в итоге Г. Альберт считает возможным говорить о «гражданском правительстве» Евтропия (с. 44).

Указанные наблюдения, сопровождающиеся тщательным разбором конкретных реалий, казалось бы, позволяют автору выявить достаточно определенные группы людей, которые стояли за конфликтами в Константинополе. Но исследование Г. Альберта присуща известная аморфность политических и фактически полное отсутствие социальных характеристик «партий» Евтропия, Аврелиана и других. Отсюда ничего неожиданного, например, в оценке противоречий между Аврелианом и Кесарием: «Речь шла об эгоистической борьбе за власть отдельных более или менее расплывчатых коалиций по интересам, а не о принципиальных идеологических разногласиях» (с. 80).

Конечно, Г. Альберт прав, отрицая в качестве основ столкновений «антигерманизм» и «готофильство» (под ними в первую очередь и подразумеваются идейные разногласия). Более того, представленный материал свидетельствует, что строгую социальную ориентацию у названных лидеров обнаружить, скорее всего, нельзя. Крайняя сложность обстановки заставляла борющихся за власть лиц лавировать, заключать зачастую беспринципные кратко- и долговременные союзы. Особенно это видно на примере Аврелиана. Думается, Г. Альберт доказал, что требование Гайны выдать ему Аврелиана, бывшего *magister militum* Сатурнина и комита Иоанна было продиктовано отнюдь не их мнимым лидерством в некоей «национальной» «антиварварской партии» (с. 30, 36, 69, 153). Из источников неясно, какие отношения были между Аврелианом и Сатурнином (с. 37). Союз Аврелиана с Иоанном, наоборот, вполне доказуем: его основой была борьба с еще

⁴ Содержащая анализ данного сюжета книга М. Клаусса оказалась Альберту недоступной (с. 7).

сильными приверженцами Евтропия (с. 44—45, 68—69). Однако одно из интереснейших наблюдений относительно Аврелиана (и, скажу больше, определяющее концепцию первой главы книги) развивает мысль, высказанную в свое время О. Зееком, Э. Демужо и С. Маццарино, о совместной заинтересованности Гайны и Аврелиана в свержении Евтропия (с. 43 и след.). Следует также согласиться с тезисом, что главную роль в смене правительства сыграло давление Гайны, но подозрение в союзе с последним компрометировало Аврелиана.

По мнению Альберта, новому префекту претория нужно было бороться с приверженцами бывшего правительства и дистанцироваться от Гайны, двусмысленно относившегося к мятежу Трибигильда. Наряду с прочим этим целям должна была служить речь «De regno» Синесия Киренского. Таким образом, признается, что «De regno» не столько трактат, содержащий политическую теорию, сколько полемическое сочинение на актуальную для группы Аврелиана повестку дня (с. 50, 66). С этой точки зрения труд киренца также ни в коей мере не программа «антигерманско-национальной партии» (с. 82). С другой стороны, Альберт пытается показать, что сочинению Синесия «De providentia» также присущ остро пропагандистский заряд (снятие подозрения с политики Аврелиана в провоцировании марша готов на столицу и возложение вины за это на Кесария) (с. 70—80). В данной связи нельзя не согласиться с аргументацией, показывающей, что Кесарий, ведя вполне независимую политику, как и Аврелиан, лишь использовал готов для достижения власти префекта (после июльских событий 400 г. Кесарий, как известно, вместе с Фравиттой вел открытую борьбу с Гайной). Однако поиска других, пусть временных сторонников или союзников Кесария Альберт не ведет. Наличие последних, как правило, прокламируется (исключение — констатация попыток Кесария привлечь на свою сторону Иоанна Златоуста для переговоров с готами — с. 159—161). Но ведь не случайно префектура Кесария продолжалась намного дольше, чем у Аврелиана! Только закулисными интригами такое не объяснить.

Тем не менее наблюдения Г. Альберта порождают серьезное сомнение в ориентации Аврелиана на курiales, языческую интеллигенцию и вообще «античные элементы» того времени, как это часто изображается в литературе. То же относится к оценке деятельности Кесария, которую нельзя рассматривать однозначно, как «профеодалную».

Несомненно лучше вопрос о сторонниках конфронтующих лидеров освещается во второй главе книги — примени-

тельно к die Gefolgschaften Трибигильда и Гайны.

Примечательно, что Г. Альберт подчеркивает, по сути, две основные предпосылки мятежа Гайны. С одной стороны, это политика правительства, «вынудившая» его отстаивать свои интересы через попытку переворота (с. 58, 69, 76, 110, 114—115, 121—126, 129—130, 148—149, 180). С другой — это давление «снизу», требования его подчиненных (с. 88, 117—119, 140, 180—181). Синтез этих предпосылок выражен в оценке ситуации после произнесения Синесием при дворе речи «De regno»: «Гайна, который чувствовал себя прижатым к стенке, а также находился под давлением притязаний своих последователей (Gefolgsleute), мог теперь думать только о радикальном решении конфликта» (с. 67).

В чем же заключались личные интересы Гайны? В книге показано, что это были соображения военной карьеры, не шедшие далее занятия поста *magister militum per Orientem* (особенно подробно см.: с. 103—113). Сложнее обстоит дело с интересами *Gefolgsleute*, и прежде всего из-за нестабильности состава этих отрядов. Действительно, еще церковные историки V в. различали *ἐπιτήδειοι* Гайны, занимавших офицерские посты в регулярной армии, и *ὄμοφρολοι* или *ὄμοδοι*, которые были, по Г. Альберту, die *Privatarmee* Гайны (с. 111 и след.). Затуманенность Синесием в «De regno» «различий между „регулярными“ и „нерегулярными“ варварами-солдатами лишь отражала определенный прием полемики» (с. 57). По выводам Г. Альберта, ядро этой «свиты» — этнические гомогенное — состояло из готов-тервингов, видимо остатков поселенных в Мизии федератов, под началом Гайны ставших чем-то вроде «протобукцелляриев»⁵.

Безусловно, под командование Гайны, назначенного *magister utriusque militiae* для борьбы с Трибигильдом (с. 70), перешли определенные регулярные мобильные соединения (с. 115). И наконец, есть основания признать резкое усложнение состава войска Гайны после его соединения с отрядами Трибигильда поздней осенью 399 г. в Фиатигре (с. 69, 126—127). Разумеется, разрыв Гайны с Константинополем означал разрыв с должностью командующего регулярными соединениями; получение этого поста вновь, перед занятием столицы, дало Гайне возможность удалить от Константинополя и распыленно стационаризовать определенные регулярные части. Г. Альберт в этой связи правильно оценивает различие Зосимом под началом Гайны *στρατιωται* и *βαρβαροι* (с. 119, примеч. 135; 126—127).

Итак, Г. Альберт справляется с анализом состава шедших за Гайной отрядов. Несколько иной результат дает выясне-

⁵ Проблема данного института специально анализируется в заключении второй главы (с. 140—146). Здесь Г. Альберт уточняет свою мысль: в конце IV в. в Восточной империи имели место *fließende Übergänge* между *buccellarii* и *foederati*, так как эти «рудиментарные букцеллярии» еще не сформировались в самостоятельный институт из *barbarische Föderatentum*.

ние их интересов. По мнению автора, главной проблемой было их обеспечение (*die Versorgung*), что, естественно, наиболее четко подтверждает Зосимом (*Zosim. V. 13.1*). Но у Зосима форма этого обеспечения ограничена понятием *δωρεά*. Между тем проблема содержания «свиты», по Альберту, побудила Гайну выступить против Евтропия (с. 114, 117), предусматривалась им при получении поста *magister militum* (с. 115, примеч. 126), толкала эту «свиту» на грабежи в Малой Азии, от которых он не мог ее удержать (с. 125). В какой-то мере такие суждения оправданы, тем более что сам исследователь справедливо сомневается в наличии у Гайны имущества, прежде всего земли, достаточного для содержания его людей (с. 143). Но доверие в ограниченности выводов, построенных в основном на данных, относящихся к «свите» Гайны, а не на комплексе реалий эволюции «варварского вопроса» в поздней античности, резко возрастает при наблюдении за анализом движения Трибигильда.

Г. Альберт убедительно показывает, что главной целью восставших в Малой Азии готов-грейтунгов было достижение более высокого, нежели они имели, статуса (с. 92—95). Весьма вероятно, что притягательным примером для них были поселенные в Эпире как федераты готы Алариха (с. 20—21, 93 и след.). В самом деле, ставшие *captivi* и *dedicii* после своего поражения в 386 г., поселенные во Фригии в статусе колонов, обязанных военной службой и обработкой земли (с. 89—90)⁶, грейтунги использовали непредоставление им *don* после похода против гуннов только как повод к мятежу. Однако Альберт недооценивает неясности уступок, предложенных мятежникам правительством Евтропия. Определенность была лишь в искушении самого Трибигильда должностью *magister militum*. Но распространялся ли предложение *augst* и *foedera* (о чем сообщает Клавдиан) на всех восставших или только на окружение Трибигильда? В книге такого вопроса не стоит. Но, видимо, в конечном счете непредоставление мятежникам статуса федератов сорвало замысел Евтропия сделать из Трибигильда противовес Гайне (с. 96—97).

Кроме того, я полагаю, что прежде всего статус восставших привлек к движению *πλήθος οἰκετῶν καὶ ἄλλως ἀπερριμμένων ἀνδρῶν* (*Zosim. V.13.4*), а не надежду на добычу и на абстрактный «лучший жребий» (с.: с. 99). Непонятно и невнимание Г. Альберта к осуществлению Трибигильдом во Фригии каких-то «нововведений», возмущивших фригийцев (*Socrat. VI. 6*). Сократ Схоластик увязывает эти «нововведения» со стремлением мятежника добиться поручения «устраивать дела в этой области». Если учесть притягательность для грейтунгов *augst*

и *foedera*, связанных с повышением их статуса, то напрашивается предположение, что они сами стали обеспечивать себя «*don*» — через экспроприацию местных жителей — и добиваться от местных курий того, что было положено федератам.

Отношение Гайны к мятежу в Малой Азии тоже, на мой взгляд, во многом определялось реальным статусом данной группы грейтунгов. Альберт правомерно предполагает в первоначальных намерениях Гайны ослабление Трибигильда как возможного соперника (с. 116). Лишь после поражений, нанесенных Трибигильду малоазиатскими «ойкиторами», и разбавления гомогенного ядра его отрядов дезертирами из войска Льва, посланного против мятежников параллельно с Гайной, сложились условия для подчинения последнему этих отрядов. Следует, по-моему, также учитывать, что, поддерживая перед правительством требования Трибигильда, Гайна сделал акцент на необходимости сместить Евтропия, а прочие требования грейтунгов оставил на заднем плане.

После падения Евтропия Гайна (опять таки от имени Трибигильда) в августе 399 г. провел с императором переговоры и заключил соглашение, содержание которого неизвестно (*Zosim. V. 18.4*); сам Трибигильд от переговоров был явно отстранен. Вскоре его отряды и войско Гайны соединились, что означало разрыв с Константинополем и упомянутым соглашением. Следовательно, если в последнем и имел место *foedus* правительства с Трибигильдом, то теперь грейтунги лишились статуса федератов, а само соглашение выглядело лишь тактическим ходом Гайны с целью привлечь к себе грейтунгское ядро мятежников. В этих условиях надобность в Трибигильде отпадала; после переправы грейтунгов во Фракию его имя исчезает со страниц источников.

Отмечу также, что женщины и дети, введенные Гайной в Константинополь (с. 131) наряду с воинами-готами, скорее всего, были членами семей фригийских мятежников. Но об их месте в новом соглашении Гайны с императором ничего не известно. Альберт, по-видимому, прав: проблемой Гайны было расквартирование в столице боеспособных отрядов для контроля за выполнением правительством условий соглашения (с. 130). Это дополнительно заставляет сомневаться в приобретении грейтунгами под началом Гайны желаемого статуса.

Таким образом, следует согласиться с Г. Альбертом, что мятеж Трибигильда был направлен не на захват власти в Византии, а на изменение приниженного положения грейтунгов. Другое дело, что социальный смысл движения лежит глубже. Попытка избавиться от статуса не-

⁶ Альберт сравнивает характер расселения грейтунгов с судьбой скиров, отраженной в известном законе (*СTh. V.6.3*). Но так как прямых данных о поселении готов во Фригии на императорских доменах нет, я считаю такую аналогию лишь уместным предположением.

полноправных свободных, на мой взгляд, роднит мятеж с социальными внегородскими движениями поздней античности. Но стремление сделать это за счет местных жителей включало грейтугов в русло военно-варварской оппозиции, как известно не имевшей перспектив в условиях ранней Византии.

Примечательно, что, признавая большую значимость восстания константинопольцев 12 июля 400 г. в крахе планов Гайны (с. 136, 172, 182), Г. Альберт не делает это восстание предметом специального анализа, а ограничивается частными наблюдениями. Он отказывается и от изучения обстоятельств разгрома Трибигильда в Малой Азии (особенно под Сельгой) местными жителями. Отказ обосновывается характером исследования, «в котором хотелось бы связи (die Zusammenhänge) рассматривать под углом зрения ведущих кругов столицы и в аспекте отношений варваров между собой» (с. 103, примеч. 76). Но ведь даже такой, мягко говоря, спорный подход мог бы дать какие-то результаты при особом рассмотрении, например, тех глав «De providentia», где речь идет об июльских событиях 400 г.

Обратимся в качестве примера к анализу Г. Альбертом другого труда Синесия, «De regno», и особенно раздела, посвященного антиварварской полемике. Исследователь показывает, что уже своим содержанием «De regno» отходит от принятых в то время норм. Действительно, кроме отказа от возвещения δῆζα Аркадия и прославления его ἀρεταί, что было связано с требованием юному императору развить приличествующие добродетели через φιλοσοφία, необычны чисто практические следствия «философских принципов» правильного правления, выведенные Синесием. Это — осуждение фаворитизма (De regno, 11—12), связанное с критикой изоляции и форм предательства императорской персоны (Ibid. 13—19), выпады против варваров на римской военной службе (Ibid. 19—21) и порицание неполадок в имперской администрации (Ibid. 23—27).

Г. Альберт демонстрирует несоответствие такой тематики речи целям посольства Синесия (с. 26—29, 50) и центральное место в ней разделов 13—21, образующих строгое единство (с. 52). И если данные разделы критикой системы Евтропия призваны ослабить ее приверженцев и не трудны в интерпретации, то разделы 19—21, ведущие, по Альберту, полемику против Гайны, сложнее. В центре полемики три момента: угроза низ-

ложения правителя варварскими полководцами, формально находящимися на службе империи; критика преобладания варваров в римской армии и критике существования компактных групп варваров в структуре империи.

Сразу отмечу, что если Альберт исключает Алариха из прямых объектов критики «De regno», то вряд ли это следует делать в отношении Фравитты на том основании, что последнему как magister militum per Orientem было меньше возможности «играть выдающуюся роль на политической арене столицы» (с. 56). С другой стороны, Альберт не сомневается в преобладании варваров в византийской армии — тезис, не принимаемый безоговорочно на сегодняшний день даже западными специалистами⁷. Тем не менее он справедливо замечает, что требование создания «национально-римской армии» с трудом увязывается с актуальностью речи Синесия, так как нелегко сказать, насколько этот «призыв соответствовал намерениям или даже возможностям Аврелиана и его политических друзей» (с. 57).

К приемам полемики против Гайны Г. Альберт относит затупевывание Синесием различий между группировками «скифов» и их позицией по отношению к империи (в результате стиралась граница между грабителем Аларихом и Гайной, между Гайной и мятежным Трибигильдом). Но если в данном случае строгость интерпретации данных «De regno» кое-где может быть подвергнута критике (например, разница в составе подчиненных Гайны и Алариха была слишком очевидна), то более фундаментально наблюдение над полемическим зарядом декларации Синесия о возможности «рабской войны».

По Г. Альберту, топико-риторический и, следовательно, пропагандистский характер этой декларации прежде всего виден в однозначности ее применения в других публицистических трудах поздней античности. В качестве примера взята известная речь Фемистия, где мятеж Прокопия сравнивается с восстанием Спартака по ряду параметров: внезапность мятежа, якобы незначительное ранее положение его главы, крупные последствия казавшегося ранее мало значащим бунта, подчеркивание решительности мер римских магистратов. Аналогичные параметры, показывает исследователь, есть и в тезисах Синесия о перспективе восстания рабов-варваров, что позволяет киренцу бросить на Гайну подозрение в заговоре (с. 60—61).

⁷ См. об этом: *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа: (типологические наблюдения) // *ВО. М.*, 1977. С. 43—44; *Глушанин Е. П.* Этнический состав ранневизантийской армии IV в.: (варварский вопрос) // *АДСВ. Проблемы социального развития.* Свердловск, 1985. С. 32—42; *Theall J. L.* Barbarian in Justinian's Armies // *Speculum*, 1965. N 2. P. 294—322; *Hoffmann D.* Das spätrömischen Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum (Epigraphische Studien, 7/I.II). Düsseldorf, 1969. Bd. 1. S. 390; *Waas M.* Germanen im römischen Dienst im 4. Jahrhundert nach Christus. 2. Aufl. Bonn, 1971. S. 8 f.; *Chrysos E.* Τὸ Βυζάντιον καὶ οἱ Γότθοι. Συμβολὴ εἰς τὴν ἑξωτερικὴν πολιτικὴν τοῦ Βυζαντινοῦ κατὰ τὸν δ' αἰῶνα Saloniki, 1972. Σ. 138—166; *Wolfram H.* Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts: Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1979. S. 156 f.

Методику подобного анализа к тем местам «De providentia», где Синодальный касается социальной напряженности, Г. Альберт, однако, не применяет. Более того, в отличие от анализа «De regno», он сознательно не касается философско-этического аспекта «De providentia», который де не служит целям исследования (с. 74).

Досадно, что немецкий ученый не попытался решить и другой, связанный с источниковой базой темы, принципиальный вопрос: почему церковно-историческая традиция приписала Гайне узурпаторские планы (с. 74—75, примеч. 74; 87—88, примеч. 3; 110, примеч. 111)? Явно недостаточно объяснение, согласно которому Сократ, Созомен и Феодорит преувеличивали опасность, чтобы подчеркнуть роль божественного провидения в спасении государства. Недостаточна и апелляция к безусловно интересным наблюдениям А. Липпольда: последний лишь сравнил указанные мысли церковных историков с суждениями других позднеантичных авторов о коварных намерениях варваров вообще в отношении империи и отметил (вслед за И. Штраубом) топологический характер подобных оценок.

Неровное внимание к источникам проявляется в книге и в том, что автор крайне редко использует данные законодательства при раскрытии политики той или иной правящей группы. Между тем анализ таких сведений позволил бы, например, лучше раскрыть суть «гражданского правительства» Евтропия и причины его большей устойчивости, нежели префектуры Аврелиана. Ведь недаром в те годы законы благоприятствовали торгово-ростовщическим элементам провинций, а торгово-ростовщическая верхушка городов усилилась через включение в курии богатых плебеев⁸.

Нельзя не обратить внимание и на то, что подробно рассмотренные Г. Альбертом действия в 399—400 гг. Иоанна Златоуста оказываются изъятными из контекста предшествующего (в том числе антиохийского) периода деятельности этого виднейшего церковного политика. Отсюда трудность понимания подоплеку появления Иоанна на константинопольской кафедре (с. 151, примеч. 1). Апелляция к мнению К. Закжевского о попытке Евтропия опереться в конфликте с сенаторами на церковь неаргументированна, хотя дальше Альберт прямо говорит о глубоком конфликте между die Ver-

mögenspolitik церкви и экономическими интересами сенаторов (с. 169).

Конечно, доказательства в пользу самостоятельной позиции Златоуста в конфликтах 399—400 гг., — позиции, направленной на усиление столичного епископата (с. 177), — очень интересны: здесь и осуждение им «врага церкви» Евтропия; и использование выдачи готам комита Иоанна, Аврелиана и Сатурнина для критики богатства и алчности этих лиц (что вскоре ухудшило отношения Златоуста со двором); и, наконец, отказ передать готам-арианам одну из столичных церквей. (Поэтому, по Альберту, Златоуст оказался «между фронтами» накануне июля 400 г.) Однако автор бездоказательно пишет о «глобальном доверии епископу со стороны «широких слоев столичного населения» как опоре независимости Златоуста, тем более что при оценке событий 12 июля говорится как о «спонтанном взрыве» ненависти горожан к готам, так и о потере епископом контроля над восстанием (с. 171—182).

Таким образом, представленный Г. Альбертом материал объективно ведет дальше постулируемого в монографии вывода о чисто политическом характере борьбы в Константинополе в последние годы IV в. Возвращаясь в этой связи к поставленному в начале рецензии вопросу о понимании исследователем сущности die Gai-nas-Krise, нельзя не признать, что данный кризис сводится им к столкновению Гайны с ситуацией, определяемой, с одной стороны, растущей враждебностью власть имущих к карьеристским планам гота, а с другой — давлением «свиты» последнего, которая стремилась к лучшему статусу. Многочисленные серьезные наблюдения исследователя по частным моментам темы не могут восполнить скромности такого обобщения.

Тем не менее основная заслуга Г. Альберта — в убедительном показе несостоятельности концепций о борьбе «германизма» и «национально-римского» направления в политике и идеологии поздней античности. С другой стороны, его труд подкрепляет соображения об отсутствии условий для закрепления варваров в Византии IV—V вв. из-за специфики расстановки в ней социальных и политических сил. Однако, хотя Г. Альберт подходит близко к осознанию значимости в борьбе того времени социального фактора, большинство просчетов книги вызвано явной недооценкой последнего.

А. С. Козлов

В е с к Н. G. Kaiserin Theodora und Prokop: Der Historiker und sein Opfer // Serie Piper-Porträt. München; Zürich, 1986. 166 S.

Новая книга замечательного западногерманского византиниста Ханса Георга Бека написана без единой ссылки и вышла в популярной серии. Таких работ о Феодоре вышло за рубежом немало — уж больно соблазнителен материал «Гайной истории». Прокопий позволяет историку

не отягчать научную совесть самочинным расцветиванием сведений источника: его рассказ беллетристичен сам по себе, достаточно процитировать, чтобы развлечь читателя, не изменив в то же время подлиннику.

Казалось бы, книга Бека очередная

⁸ См.: Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971. С. 147.